

Бакинский рабочий
г. Баку

19 ДЕК 1986

ОН БЫЛ МЕДЖНУНОМ ТЕАТРА...

К 100-летию со дня рождения народного артиста СССР Сидги Рухуллы

Как много могут рассказать старые афиши! Пожелтевшие, выцветшие, с поумствившими уголками, они хранят в своих поблекших строчках великое таинство театра, память о безудержных взлетах и драматических провалах. Здесь между строк заключено все: бессонные ночи после репетиций, страх и радость выхода на сцену, горячие овации и ледяное молчание зала, любимые цветы в день премьеры и горькие слезы в час забвения.

По одним только афишам уже можно прочесть историю театра, прикоснуться к ней памятью, заново пережить ее самые яркие страницы. И, конечно, заблестают перед нами актерские имена, которые невозможно отделить от славного пути азербайджанского театра. Это Джангир Зейналов, Гусейн Араблинский, Аббас Мирза Шарифзаде, Мирзага Алиев, Гусейнкули Сарабский, Марзия Давудова, Кязим Зия, Исмаил Идаятзаде. Справедливо сказал Александр Туганов об азербайджанском театре двадцатых годов, что это был театр сильных, «огненных» актеров. Одним из них был, конечно, Сидги Рухуллы, по праву занимающий ведущее место в этой плеяде выдающихся мастеров сцены.

Он начинал свою театральную деятельность еще до революции и страстно пропагандировал театр, где бы ему ни пришлось бывать. Джафар Джабарлы писал об этом так: «Большая заслуга Сидги заключается в том, что он в самые тяжелые дни царского деспотизма обошел все города, села и даже маленькие поселения Азербайджана, принося с собой свет театра сквозь густую тьму того времени».

И это не удивительно, потому что свет театра он носил в самом себе, любил театр

преданно, фанатично, до полного самозабвения. И никогда не говорил об этом всуе.

Я выросла в театральной семье и с детства видела у нас дома многих актеров. Но вот посещения Сидги Рухуллы не помню, возможно, он бывал у нас редко. Он вообще не был очень общительным, трудно входил в контакт, выглядел замкнутым человеком. Но зато на сцене преображался, становился тем, кого играл, вкладывая в каждую роль точные жизненные наблюдения, человеческий опыт, талант. Он был учеником Араблинского, о котором моя мать, народная артистка СССР Марзия Давудова говорила: «Араблинский пробудил во мне большую любовь к театру; он был не просто актером, а фанатиком сцены. Играл всем своим существом и полностью входил в роль». Видимо, эти качества учитель воспринял и в ученике, и они с успехом проявились во многих спектаклях — назову хотя бы такие, как «Король Лир» и «Отелло», «Ревизор», «Невеста огня», «Гроза», «Утро Востока», «Фархад и Ширин».

Этот последний я помню особенно отчетливо. Шла война, и такой патристический, народно-героический спектакль был очень нужен всем. Тема свободы Родины, безраздельной любви к ней (именно ее сделал главной в пьесе Самед Вургун) находила самый горячий отклик в зрительном зале. Сидги Рухуллы играл коварного Шапура, везира, Марзия Давудова — Ширин. Навсегда врезалась мне в память сцена, когда Шапур крадет Ширин, чтобы увести ее в Иран. До сих пор я слышу сильный, проникающий в самое сердце голос Сидги Рухуллы: «Везите ее в Иран! Пусть еще одно горе будет для Азербайджана!». Хотя эта роль была и небольшой, она выдавала большого мастера, не жалевшего своих сил на

создание образа, который не был главным в спектакле.

Одной из самых интересных, блистательно сыгранных ролей Сидги Рухуллы был Каджар в «Вагифе» Самеда Вургун. Эта роль стала своего рода легендой в театре, ее вспоминают и сейчас, о ней размышляют даже те, кто спектакля не видел, ибо описание роли, ее эмоциональное звучание передавалось из уст в уста. Могли представить, как трудно было актеру воплощать такой образ, искать ему какие-то внутренние оправдания. Ведь Каджар был кровавым тираном, жестоким деспотом, ненавидящим свой народ. Сидги Рухуллы уже встречался с этой ролью дважды (в других произведениях), но теперь ему, конечно, многое виделось по-другому. Он искал детали, подтверждавшие хищническую натуру Каджара. Например, при нем неотлучно была большая сабля, и в минуты гнева или ярости он тотчас хватался за нее...

Большое мастерство актера позволяло ему играть роли самого разного характера. Его запомнили в «Разбойниках» Шиллера, «На дне» Горького, в «Невесте огня» Дж. Джабарлы. В сложном горьковском спектакле критика отмечала в первую очередь трех исполнителей: А. Герайбеги — Сатина, Сидги Рухуллы — Актера и А. Шарифзаде — Барона.

По свидетельствам очевидцев, великолепно играл Сидги Рухуллы в пьесах Шекспира, всем своим существом тонко воспринимая их природу. Сценической удачей была роль Яго. Отелло играл А. Шарифзаде, Дездемону — М. Давудова. Сидги Рухуллы рисовал себе образ Яго сквозь призму мести. Это чувство движет им во всех его поступках. Поэтому артист подчеркивал мстительность и коварство Яго всеми способами — взглядом, полным ненависти и злобы,

хриплым голосом, резкими жестами. Но, конечно, актерской вершиной Сидги Рухуллы был король Лир. В молодости ему уже доводилось играть в таком спектакле в свой бенефис. Но теперь за его плечами были тридцать пять лет жизни на сцене, принесшие ему огромный опыт, поднявшие его на высоту творческой зрелости.

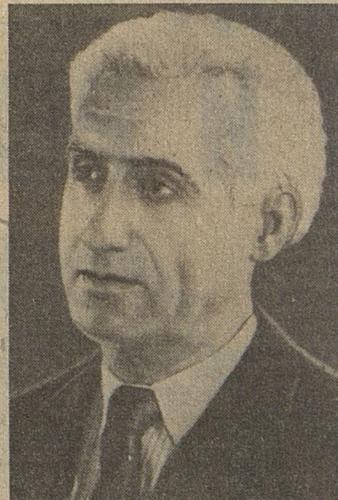
Лир в исполнении Сидги Рухуллы был гордым, властным человеком. Он привык к тому, что каждое его слово — закон для всех, требовал повиновения и исполнения его приказов. Однако при этом он был любящим отцом и верил в силу и искренность дочерних чувств. Вот почему как разящий удар воспринимал он предательство дочерей. Замечательно передавал Сидги Рухуллы растерянность Лира в трагических обстоятельствах.

В этой роли раскрылись особенно ярко незаурядный талант Сидги Рухуллы, его стремление продумывать и разрабатывать роль до мельчайших деталей. В копилку характера откладывалось все: величавая, размеренная поступь, медлительные жесты, манера гордо нести голову, на которой сверкала корона. Невозможно забыть одно из самых сильных театральных впечатлений тех лет: когда Лир вносил на сцену мертвую Корделию и смотрел на нее неотрывно, с волнением и надеждой — вдруг оживет, вдруг откроет любимые глаза...

На одном из самых первых спектаклей «Короля Лира» я в антракте пошла к матери (она играла Гонерилю). Зашел Сидги Рухуллы, видимо, поздравили. Увидев меня, спросил:

— Ну, как спектакль?

Что я могла ему сказать?! Я смотрела на него и видела Лира — уставшего от горя старого человека с длинными седыми волосами, скорбную

складку у рта, воспаленные от переживаний веки. А он, волнуясь, говорил о том, как много перенял у Аббас Мирзы Шарифзаде, как дорого ему его творчество...

В 1948 году за участие в спектакле «Утро Востока» по пьесе Э. Мамедханлы Сидги Рухуллы вместе с группой актеров был удостоен Государственной премии СССР, а через год, когда Театр имени М. Азизбекова отмечал свое 75-летие, стал народным артистом Советского Союза.

Имя в афише... За ним — целый мир, прожитые сотни раз чужие жизни, вобравшие и твою собственную, такую короткую... Порой я встречала артиста на улице и обращала внимание на то, как он углублен в себя, сосредоточен на чем-то, даже странен. Пальто нараспашку, взгляд поверх головы, куда-то в даль. Что это было? Предельная собранность, ни на минуту не прекращающаяся работа над новой ролью? Или груз старых, но не ушедших из памяти ролей? Не знаю. Трудно сказать точно. В такие минуты я даже не решалась подойти и поздороваться, чтобы не потревожить, не нарушить его состояния.

Но знаю доподлинно: он был Меджнуном театра. Неистово любил сцену, любил работу актера и умел отдавать себя ей без остатка.

Франгиз ШАРИФОВА,
народная артистка Азербайджанской ССР.